

Ольга КАЙМАК

п. Белоярский
Свердловской
области

рассказы

ДЫРЯВАЯ КОРЗИНА

Сегодня у меня полный раздрай. Вернее, день, когда не то себя жалко, не то обидно. Почему жалко? Из-за кого или чего обидно? Ничего не понятно, потому и раздрай. Но именно в такие вот дни — а они с возрастом, увы, случаются всё чаще — меня почему-то достают воспоминания. Не всегда. Иногда. Но чаще.

Кстати, о возрасте. В душе мне около двадцати пяти. По паспорту «слегка» за сорок, но в дни раздрая — пятый десяток. Оптимисты поймут. Пессимисты расстроятся. Кто же я? В дни раздрая — пессимист в квадрате. Квадрат — это и есть воспоминания, наложенные на раздрай.

Моя лучшая подруга Таисия — персонально для меня просто Тася — считает, что вот такое моё состояние — итог полубессонных ночей. Почему полубессонных? Потому что я вроде и сплю, но подкорка моего головного мозга, как сторожевой пёс, фиксирует и назойливое жужжание комара, готовящегося к кровопитию, и беззаботный трёп молодняка, тусующегося на скамейке у подъезда до трёх ночи.

С ночным отдыхом и правда беда. Не бессонница, а, как резюмировал доктор, к которому все же пришлось обратиться за советом: «У вас, голубушка, присутствует нарушение сна». Это точно. «Прикол», как выражается вышеупомянутый молодняк, в том, что заснуть — проблема. Уж если удалось, то просплю часов семь. Но когда застают полусон и подкорка, тогда и раздрай тут как тут. Тася права.

Вот и сегодня полуспала-полубодрилась. А с раннего утра меня отчего-то кидануло аккурат в мои двадцать пять. Медитирую, блин, и почти воочию вижу себя молодую и энергичную. В ту прекрасную пору я была студенткой-заочницей всесоюзного института — это в нерабочее время. А трудилась-то я освобожденным секретарем комитета комсомола с правами райкома. Пожалуй, нынешнему поколению

всё это как кубик Рубика, требующий инструкции по применению для начинающих.

И раз инструкция, то пройдуся по пунктам. Первое: период, о котором идёт речь, — эпоха СССР. Союзом Советских Социалистических Республик называлась в ту пору моя горячо любимая страна. И я, как хорошая дочь, искренне верила и в светлое будущее, и в людей. Некоторые в том моём окружении за глаза прозвали меня «пионеркой» именно за мою искреннюю веру во всё, чем жила и что делала. А дел было много. Добрых и интересных. Трудных и... всяких. Чего только в жизни не случилось.

Тут и стоит поставить цифру два в моей разъяснительной инструкции: комитет комсомола с правами райкома. Информация о том, что это такое и «с чем его едят», вполне себе нашлась в нынешнем «всезнающем» интернете. Читаю: «21 апреля 1956 года Центральный Комитет ВЛКСМ принял постановление, согласно которому комитетам ВЛКСМ наиболее крупных первичных комсомольских организаций в зависимости от их численного состава и производственных особенностей с разрешения ЦК комсомола предоставлялись права райкомов по вопросам приёма в комсомол, ведения учёта членов ВЛКСМ и рассмотрения персональных дел. На XIII съезде комсомола (1958 год) этот параграф был внесен в Устав ВЛКСМ — Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи».

Численный состав легкомышленного техникума, комитетом комсомола которого мне довелось руководить в дни моей бурной молодости, как раз и был многочисленным. Отсюда и пресловутые райкомовские права.

От составления «инструкции по применению» меня оторвал телефонный звонок. Тася кричала в трубку:

— Шас приеду, жди! Достали, гады! У тебя пожар что-нибудь есть?

Она отключилась, не дождавшись ответа, потому что знала: «пожрать» у меня было всегда. Не то чтобы любила готовить. Но как-то получалось само собой, что супы и вторые блюда я стряпала регулярно. На всякий случай. Такой, к примеру, как незапланированный Та-

син визит, ведь поётся же в известной песне, что «дружба — это круглосуточно».

Ещё не успел разогреться борщ на плите, а в квартиру позвонили. Удостоверившись в дверной глазок, что пришла именно моя неугомонная подруга, я отворила.

— Сволочи! Ух, вкусно пахнет! Жрать хочу! Как понервничаю, так и хочу жрать! — Тася скинула в прихожей полусапожки и, всунув ноги в тапочки, всегда стоявшие на одном и том же месте, ринулась напрямик в ванную помыть руки.

Я отправилась на кухню накрывать на стол, на ходу спрашивая:

— И кто на этот раз?

— Сидорова, — донеслось из ванной. — Коровы! Нашептала шефу, что я опоздала на пятнадцать минут. Можно подумать, сама она не опаздывает. Позавчера вообще припёрлась после обеда — и ничего. А из меня шеф всю душу вынул. Даже объяснительную потребовал. Как с цепи сорвался, и всё из-за этой коровы Сидоровой. Ничего, я ей припомню!

— Таська, плюнь!

— А я плюну! Прямо в её рыло! — она вошла в кухню и плюхнулась на свою любимую табуретку у стены. — Ох, борщ! Слушай, как ты его варишь? У меня всегда каким-то бледным получается, а у тебя и красивущий, и вкуснущий.

Ответа ей опять не потребовалось. Тася с аппетитом принялась за трапезу.

— Я в переносном смысле про «плюнь». Не опускайся до её уровня. Бумеранг сработает, — сказала я, подкладывая в её тарелку пару ложек сметаны.

— Чего сработает? — не поняла Тася, с аппетитом продолжая уплетать борщ.

Я не ответила. Меня резко вновь кидануло обратно к моим двадцати пяти.

Словно по мановению волшебной палочки переместилась я в институтскую аудиторию, где мой сокурсник Виктор, а по совместительству ещё и коллега по комсомольской работе — он возглавлял комитет комсомола обувной фабрики, с правами райкома, разумеется, — весело, пока была перемена, наставлял меня

«на путь истинный» прямо перед ребятами из группы. Виктор — про таких говорили «не красавец» — был «упакован»: кожаная куртка, дефицитные джинсы, футболка «Adidas».

— Не умеет Ленка работать! — говорил он всем, а потом обратился персонально ко мне: — Ну что ты всё время в напряге? Ладно бы ещё сама себя дёргала, а то ведь и остальных тоже.

— Кого это — остальных? О чем ты вообще? — я была удивлена, не совсем его понимая.

— Ну, ты же вчера в горкоме на совещании была. Отчитывалась о приёме в комсомол новых членов. Так?

— Была. Отчитывалась. И ты отчитывался. Тебя хвалили. Меня ругали.

— Конечно, ругали. План не выполнила. При этом заладила, что отчёт не перепишешь. А из-за тебя у горкомовских проблемы. Их в обкоме комсомола натянут по самое не балуй.

— Я что, из-за этого должна липу в отчёте писать?

— Всё-таки правильную тебе кликуху дали. Пионерка и есть.

— Витёк, отстань. Не время и не место обсуждать работу. Мы же учиться пришли.

— Смешная ты, Ленка, ей-богу! — не унимался Виктор.

— Смешная. Но тебе-то что? Чего так надрываешься? Тебя же похвалили. Ты план по приёму перевыполнил. И где только берёшь такое количество желающих пополнить комсомольские ряды?

— Наверняка текучка кадров выручает, — вставил один из однокурсников, наблюдавших за нашей, по моему мнению, совершенно неуместной в институтской аудитории «производственной» дискуссией.

— Ну да, у них на фабрике почти ежедневно одни увольняются, другие устраиваются на работу, — хохотнула однокурсница, до этого усердно листавшая конспект.

— Ой, ладно, уели! — огрызнулся Виктор и вновь переключился с них на меня: — Дура ты, Ленка. Хочешь, научу?

— Ну, просвети.

— Всё проще пареной репы! Пишешь в журнал учёта от балды какого-нибудь Петра Си-

доровича Козявкина, придумываешь подходящие ему день и год рождения. Ну, в общем, все графы в журнале заполняешь, потом протокол оформишь — и всё готово, у тебя очередной новоиспечённый комсомолец.

Виктор обвёл самодовольно-победным взглядом всех окружающих и подмигнул мне.

— Не поняла. Ты хочешь сказать, что человека реально не существует, а он принят в комсомол? Это же... Но ведь протокол все члены комитета подписать должны.

— Так они и подписывают. Кому охота кого-то уговаривать и потом заседать после работы? Никто не желает по этому поводу заморачиваться.

— А комсомольские билеты? Это ведь бланки строгой отчётности, — до меня всё ещё не доходил истинный смысл сказанного.

— Ты совсем ку-ку? Если дяди и тёти — плод творческого воображения, то кому билеты отдавать? Потому я их и сжигаю. — Виктор самодовольно ухмылялся, глядя на меня как на законченную идиотку.

Нашу дискуссию прервал звонок, призывающий всех студентов занять свои места и раскрыть конспекты. Начиналась очередная пара: лекция длиною в два школьных урока.

— ...Ленка, ты заснула, что ли? Аллё, гараж! У тебя телефон надрывается, — трясла меня за плечо подруга.

— Дырявая корзина... Что, Тася? — я слишком медленно возвращалась в настоящее из моего прошлого и говорила вслух, чем не на шутку её перепугала.

— Тебе плохо? Может, скорую? — она схватила мой всё ещё орущий телефон и попыталась сбросить звонок, я перехватила её руку и ответила.

Смешно, но звонили из районной поликлиники, приглашали навестить эндокринолога, у которого я уже с десятков последних лет состояла на учёте.

— Хорошо. Поняла. Обязательно. До свидания.

Завершив разговор, я вновь переключилась на Тасю. Она всё ещё была в ступоре от моего поведения.

— Ленка, скорую точно не нужно?

— Да уймись уже. Какая скорая! Всё нормалёк. Тебе плов накладывать?

Теперь уже я не стала дожидаться ответа и наполнила её тарелку этой горячей вкуснятиной, которая нынче удалась на славу. Я точно знала, что Тася всё слопает. Вот повезло человеку: и аппетит, как у здорового мужика, и объёмы поглощенной пищи были такими же внушительными. При этом Тася оставалась миловидной миниатюрной брюнеткой с зелёными глазами и осиной талией. И куда все употреблённые калории девались?

— В меня переперерабатывающий завод запрограммирован, — смеялась она, когда ещё в начале нашей дружбы я удивлялась несоответствию объёмов, помноженных на большое число приёмов пищи, и её грациозной фигурки.

Зато меня всегда считали толстой. А когда человеку постоянно говорят, что он ослик, рано или поздно повякает «иа». Вязать я, конечно, не вякала, но в то, что толстая, уверовала на долгие годы. И лишь достигнув возраста в сорок лет, научилась противостоять хамоватым соотечественникам, позволяющим себе без спроса давать мне советы по похудению. Особенно часто это случалось в больничных коридорах, когда толпа разномастных тёток, как и я, ждала своей очереди на приём к врачу. Тут и начиналось: вот так-то лечитесь, а эдак-то худейте...

— Ленка, плов у тебя сегодня как никогда! Пальчики оближешь. Уф... наелась. А кофеёк будет? — Тася вытерла салфеткой масляные губы и спросила: — Я не поняла. Это про какую корзину ты говорила?

— Про что? А, дырявая корзина... — я уже хотела пояснить, чего, собственно, имела в виду, как совершенно неожиданно на меня обрушился незначительный, но всё же колкосо смешливо-ехидный сарказм. Такая вот гремучая смесь, иногда ошибочно принимаемая мною за «чуйство юмора». Поэтому я, выдержав театральную паузу, пафосно изрекла: — А вот и не скажу. Это мой большой секрет.

Тася, до этого вся превратившаяся в слух, увидев в моих глазах чёртиков, фыркнула, слегка обидевшись:

— Ну и фигурки с тобой. Подруга называется! Гони кофе!

— Ладно, не злись. Это я так. Настроение паршивое, вот и вредничаю, — я подала ей большую чашку кофе и поставила на стол вазочку с шоколадными конфетами.

— А чего с настроением? Опять не спала? — спросила она, прихлебнув из чашки, и занялась «раскопками» в конфетной кучке.

— И не спала. И вспоминала о сожженных комсомольских билетах.

— О чём? — Тася выронила обратно в вазочку только что извлечённую конфету «Мишка косопалый».

Я вкратце пересказала ей ту давнюю историю, «тормознувшись» на том самом месте, где она сама и вернула меня в действительность из нахлынувших воспоминаний.

— Ни за что не поверю, что всё закончилось только тем, что ты услышала от этого... как его?..

— Виктора, — подсказала я.

— Вот-вот. Узнала, что эти... как их?... комсомольские билеты сжигают, отчёты подделывают — и всё? Как говаривал старик Станиславский, не верю.

— Правильно делаешь. Конечно, было продолжение.

И вновь незримая волшебная палочка перетасила меня в мои двадцать пять. Только уже не в институтскую аудиторию, а в отчий дом.

У нас тогда гостили две мамочкины сестры. Одна приехала из Свердловска, другая — из Полтавы. Полтавскую тётку звали, как и меня, Елена. Именно в тот памятный день я узнала, что не только своё имя получила от неё в наследство, но и прозвище.

— Чего, племянница, хмуришься? — поинтересовалась тётка-тёзка, когда я, уставшая и озабоченная, приплелась домой после тех институтских занятий.

— Да так...

— Рассказывай, — видя моё состояние, присоединилась к разговору моя мамочка, — что случилось?

И я поведала им обоим про «ноу-хау» Виктора.

— Что ты собираешься делать? — спросила мама.

— А что тут делать?

— Ты меня удивляешь, племянница! Где твоя политическая и гражданская принципиальность? — вспыхнула тётка-тёзка.

— Тише ты, пионерка! — мама строго посмотрела на свою сестру.

— Как ты назвала тётушку? — я удивлённо уставилась на них обеих.

— Что, разве не знала? Меня в юности из-за моей принципиальности все называли пионеркой, — рассмеялась тётка-тёзка.

— Да уж, гены — неодолимая вещь, — выдохнула я.

Оказывается, эту последнюю фразу я вновь произнесла вслух. По ней, словно по мостику, и вернулась из прошлого в настоящее.

И в этом настоящем Тася, с аппетитом жуящая конфеты вприхлёбку с кофе, вопрошала меня:

— А при чём, собственно, гены? Не понимаю. Ты лучше расскажи, чем дело кончилось с этими... как их?... с билетами комсомольскими.

А дело кончилось не сразу. Мама, всегда понимавшая меня даже без слов, в тот вечер, проводив наших гостей ко сну, всё же вызвала на разговор по душам.

— Лена, я вижу, что тебя тяготит эта ситуация. Ты что-то решила?

— Не уверена, мама... Ничего пока не решила... Знаю, что нужно что-то делать, но что?

— Не стану давать тебе советов, дочь. Только мне кажется, что комсомольский билет не просто красная корочка. За него множество людей жизни отдали и в Гражданскую, и в Отечественную войну. Они ведь искренне верили, боролись за светлое будущее. И не предполагали, что в этом будущем юный карьерист и мерзавец сделает то, что сделал. Так что ты ещё подумай и реши, как поступить. Спокойной ночи, родная.

Спокойной ночи не получилось. Мама ушла в свою комнату, а я без сна просидела до утра. Пора было на работу. Но пошла я не туда, а на обувную фабрику к Виктору. Он был удивлён моему визиту.

— Ленка? Какими судьбами?

— Витя, я приняла решение после нашего вчерашнего разговора пойти в горком и рассказать о сожжении тобою комсомольских билетов. Но сообщаю тебе об этом первому и в лицо, чтобы ты узнал это именно от меня. Не в моих правилах шептаться по углам и прятаться. Извини.

— Ты с дуба рухнула, что ли? — прохрипел побледневший Виктор.

— Возможно. Но не могу иначе. Я ведь не просто так в комсомоле. Для меня это искреннее убеждение, а ещё дань уважения многим людям — патриотам страны.

— Как пафосно! Прямо с трибуны съезда глаголешь! — хрипел Виктор, и я заметила жуткий страх на его лице.

— Витя, мы можем поступить иначе. Я ещё и поэтому к тебе пришла, чтобы предложить...

— Что? — закричал он.

— Пойди в горком и сам всё расскажи. Ты же просто ошибся. Уверена, что сделал это всего раз, ведь так?

— Ты дура или притворяешься? Ты...

— Я дура. Но не притворяюсь. Если хочешь, я пойду с тобой.

— Да пошла ты! — он истерично хрюкнул и вдруг засмеялся. — Купилась? Точно! Да я ведь пошутил! Пошутил, понимаешь?!

Он пристально уставился на меня в надежде, что я поддержу эту его версию. А я не могла. Не могла...

— Витя, ты пойдёшь?

— Пошла вон, дура! Пионерка проклятая!

Он ещё что-то кричал мне вслед. Но я уже не слушала...

— И что в горcome? — Тасин голос уведомлял меня, что я всё же здесь, в настоящем. Хотя сознание то и дело перетаскивало туда — в мою, увы, далёкую юность.

— Ленка, ненавижу, когда ты такая! — Тася залезла в холодильник и выудила из его недр большой ломоть сыра. Она и правда всегда что-то ломала, когда нервничала.

— Успокойся, подруга. Понимаешь, я даже не ожидала, что именно это воспоминание так заденет меня за живое через столько-то лет. И

главное, откуда что взялось? Ведь и повода никакого нет для подобного экскурса в прошлое.

— Тут ты ошибаешься. Кажется, повод есть, — и Тася протянула мне только что оторванный ею от настенного календаря листик, на котором стояла дата: 29 октября. Под нею располагался текст: «ВЛКСМ уже давно прекратил свое существование, но для многих россиян День рождения комсомола по-прежнему остается одним из любимых праздников...»

— Мистика! Связь времён! — пролепетала она, дожёвывая сыр.

— Мистика... — согласилась я.

— Так ты тогда в горком ходила или нет?

— Ходила.

— И что?

А в горкоме комсомола мне велели заткнуться и не выносить сор из избы. Даже угрожали выговором за нарушение комсомольской дисциплины и устава, если ослушаюсь. Я послушалась, опять же в глаза предупредив первого секретаря, что иду в обком комсомола. Он находился в одном здании с горкомом — в соседнем крыле.

— И чем дело кончилось? — не унималась Тася.

— Заседанием бюро обкома, где горкомовский секретарь всеми силами доказывал, что я вру, и настаивал на моём исключении из комсомола, на увольнении. Врал и Виктор, утверждающий, что никакого разговора о сожжении билетов не было.

— И тебя выгнали? Блин, твоё слово против их... — Тася поднялась со стула и включила чайник. — Жрать хочу...

— Я тогда тоже думала, что правды не добьюсь. Но Амиржан...

— Кто?

— Амиржан — первый секретарь обкома, организовал проверки в комитете обувной фабрики и в горкоме. И оказалось, что в их отчётности множество нестыковок. Стали считать чистые бланки комсомольских билетов и нашли те, что Виктор не успел сжечь. Позже выяснилось, что горкомовские все знали. Многих причастных уволили.

— Так ты не пострадала за свою принципиальность? Хорошо то, что хорошо кончается, — выдохнула Тася.

— Не скажи. Многие коллеги тогда смотрели на меня, мягко говоря, косо. Кто-то за глаза даже называл стукачкой. Но, к счастью, были и те, кто понял, что иначе я поступить не могла. А через месяц меня вызвал к себе Амиржан.

— Ну что, пионерка, держись? — улыбнулся он. — Держись! Ты всё правильно сделала. Жечь билеты... Мерзость! Знаешь, что меня больше всего убедило в твоей правоте? Ты сначала пошла не по инстанциям, а к Виктору. Говорила с ним глаза в глаза. Открыто. Честно. Он мне после бюро об этом сам рассказал. Признался, что трусил, и надеялся, что никуда не сунешься. Не думал, что пойдёшь до конца. А идею с билетами ему подал первый секретарь горкома. Такие вот дела... Ладно, топай. Работай. И держись, пионерка! Спуску по приёму в комсомол не дам...

... Всё-таки Тася — настоящий друг. Она пробыла у меня до позднего вечера, не отдав на растерзание моему раздраю в квадрате. Мы пили чай и болтали.

— Слушай, а давай отметим? — неожиданно выдала она.

— Что отметим? Не поняла.

— Как — что? День рождения ВЛКСМ. Доставай бокалы!

И Тася полезла в холодильник за графином с домашней наливкой.

Мы выпили. Потом ещё выпили...

— Слушай, Ленка, а что ты имела в виду, когда говорила про корзину? Что за корзина?

Я рассмеялась, видя раскрасневшееся Таськино лицо и её выпученные глаза.

— Не больно-то и хотелось! — начала обижаться она.

Но я её уже не слушала. Я думала о том, что не просто корзина, а именно дырявая корзина есть у всех людей. У каждого — своя индивидуальная. В ней изначально, ещё на старте жизненного пути, кем-то свыше размещено всё: дружба и предательство, честность и враньё, добро и зло, любовь и ненависть... И только от

человека зависит, что из этой корзины упадёт в дыру и потеряется безвозвратно, а что сбережешь по жизни — то и твоё.

РАЗГОВОР

— Везучая ты, — улыбается водитель такси.

Мы дважды беспрепятственно миновали железнодорожный переезд, когда ездили в Баженово и обратно.

— Почему это? — удивляюсь я.

— Ну, значит, не вредная, ведь у этого переезда иной раз и пару часов можно простоять. Поезда так и снуют туда-сюда, туда-сюда... А сегодня-то как удачно получилось...

Мы давно знакомы. Виктор Игнатьевич уже несколько раз подряд приезжает, когда я заказываю такси. Ехать с ним интересно. Разговариваем то о музыке или живописи, то о политике... А сегодня он стал вспоминать своё прошлое.

— Родом-то я из Сибири. Может, слыхала, посёлок Таёжный? Хотя откуда тебе? Это такая глушь. Тайга, одним словом.

Он начинает рассказывать, как совсем маленьким мальчиком бегал в школу. По его словам, это «не очень далеко». А у меня кошки на душе заскребли от подробностей. Не укладывалось в голове, как совсем крохой он преодолел ежедневно восемнадцатикилометровую тропинку, пролегающую по глухому таёжному лесу.

— Нормально, — улыбается Виктор Игнатьевич. — Зимой — на лыжах, летом — пешком...

Возникает небольшая пауза в нашей неспешной беседе, после которой звучит новый эпизод из его школьного прошлого.

— Как-то провинился, нашкодил чего-то, так меня учительница оставила до вечера в школе. Сидел совсем один и уроки учил.

«Хорошая» учительница», — подумалось мне, и я спросила:

— А как же вы потом домой добирались по темноте через чащобу?

— Нормально. В тайге выживать надо. Слабому там не выдюжить... Нас этому только так и учили.

Виктор Игнатьевич замолкает, но через минуту выдает очередное воспоминание, как в летние каникулы со своими друзьями подрабатывал на драгах.

— Это что-то вроде завода на воде по добыче золота. Баржа, а на ней высоченное сооружение — цех. По реке драга медленно идёт, породу специальными ковшами черпает, напоминает какого-то монстра живого. Не знаю, где и как, а у нас все работники промытые золотые крупинки выбирали вручную! Нелёгкий это труд... — вздыхает он. — Мои родители так работали. И я вот «баловался» в каникулы. Насмотрелся на это золото. Оно, между прочим, совсем невзрачное, настоящее-то. Коли кто не знает, что это золотишко, ни в жисть не догадается. Белесое такое...

Он опять умолкает ненадолго и, вздохнув, продолжает:

— Вот так пройдёт драга мимо нашей деревни в мае, к примеру, а в следующий раз появится здесь уже только через несколько месяцев. Реки, вишь, у нас в Сибири длинные! Пока всю-то пройдем!..

И вновь мой собеседник умолкает, припоминая что-то очень личное, — это понятно по выражению его сосредоточенного лица.

Молчу и я, размышляя о только что услышанном. Но и хочется продолжения разговора. А Виктор Игнатьевич, видя мою заинтересованность, с хитровой улыбочкой дразнит:

— Ох, в памяти стоко самых разных интересных историй, что хоть книжку пиши!

Книжка не книжка, но следующий его рассказ изумил.

— Василич — это, стало быть, сосед наш в посёлке Таёжном. Знатная псина у него была — Бураном звали! Лайка. В тайге ведь без собаки никак, а Буран уродился и умен, и бесстрашен. Он Василичу всегда верным спутником был. Однажды даже жизнь ему спас, — начал Виктор Игнатьевич новую свою историю.

— Это как же?

— Тот Василич, значит, пренебрег, понимаешь ли, советами бывалых людей. Шёл по лесу и рысь увидел. А рыси хоть и некрупные хищники, но трогать их ни-ни! Они умные, силь-

ные и мстительные очень. Обиду нипочем не прощают. Только Василич-то взял да и пальнул из своего ружья в эту рысь запросто так. Пальнул по глупости и не убил — подранил. Потом сам рассказывал нам, что зверь вроде как убежал, но на самом-то деле стал выслеживать обидчика. Даже до посёлка Василич дойти не успел. Рысь подстерегла и набросилась. Если бы не Буран — не уйти мужику живым! Буран с рысью крепко сцепились. Собаке сильно досталось. Василич со стороны-то понаблюдал за схваткой, и показалось ему, что лайка погибла. Он даже не проверил этого, а, недолго думая, бросил свою псину на растерзание рыси и пошел восвояси.

— Жалко собаку...

— После того случая несколько месяцев прошло. Продолжение случилось. Это уж нам родня Василича рассказала, как однажды наш горе-охотник услышал, что в дверь кто-то скребётся. Он и открыл. А там Буран. Выжил пёс! После схватки с рысью сам раны лечил да питание себе добывал. Заматерел, одичал в тайге-то. Но предательство хозяина не забыл. Бросился прямо с порога, вцепился ему в горло и придушил! Никто из домочадцев Василича и поделать ничего не успел. Никого больше Буран тогда не тронул. Ушёл, как пришёл.

— Как страшно!

— Да, предательство — вещь страшная. Таёжники наши особо это знают. А что касается того случая, так всё и произошло, как рассказывал. Хотя и жаль было погибшую человеческую душу, но никто по Василичу не горевал особо. Стало быть, такой след по себе человек оставил...

— А что с Бураном стало? Куда он делся?

— Потом-то? Местные нескольких мужиков направили на поимку Бурана, чтоб, значит, его отловить и застрелить. Старики считали, что такая собака опасна очень, мол, и других людей погубить может. Вот и я с ними-то напросился. Так что все своими глазами видел, — продолжает рассказ Виктор Игнатьевич.

— Поймали Бурана? — волнуясь я.

— Выследили. Окружили. А он и не убежал вовсе. Сел на поляне и прямо в глаза нам

глядел. Охотник, что поопытней остальных, уже прицеливаться стал, а Буран не уходит и пристально так смотрит то на нас, то на дуло ружья. Никогда больше ни до, ни после не видел, как собака... плачет! Не смогли мы Бурана убить. Сказали псу, мол, уходи отсюда. Он как будто понял! Хвостом вильнул, поблагодарил, значит, и ушёл. Никто его больше никогда в тех краях не видал...

...Мы доехали до дома. Виктор Игнатьевич тормозит у моего подъезда. А мы ещё немного сидим в салоне его машины и так же неспешно беседуем. Он рассказывает, как полюбил и женился, как потом растил детей, теперь вот внуков воспитывает... Рассказывает, как исколесил вдоль и поперёк весь бывший Советский Союз, как жил то на юге, то на севере нашей огромной страны. Как был предпринимателем в трудные девяностые, а затем всё бросил и неожиданно для всех близких стал водителем такси...

Я смотрю на своего собеседника, на глубокие борозды морщин на его лбу и в уголках глаз. Ловлю себя на мысли, что досталось этому человеку немало жизненных испытаний, только не утратил он доброты, приветливости, общительности...

Такой вот разговор...

ПТИЦЫН, СТОЙ!

Ваня Птицын с самого детства обожал рыбалку. Именно обожал. Причем круглогодичную. Он никак не выделял зимнюю, как школьный сторож Степаныч, который, собственно, и пристрастил его к рыбной ловле. Сам же Степаныч, коренастый крепкий мужик, был ярым приверженцем именно подлёдного лова. И когда Ваня, будучи ещё учеником девятого класса, прибежал к нему после уроков, Степаныч с удовольствием учил мальчишку всем тонкостям своего увлечения. При этом ему очень нравилось наблюдать за Ваней: у парня были золотые руки. Он часами мог самозабвенно вырезать из пенопласта кормачки: зимние удочки с кивком — крохотным гибким удилищем. Ваня оттачивал каждую деталь до идеального со-

стояния, и брать в руки эти его изделия было большим удовольствием. Но такая работа занимала много времени, а Степаныч понимал: мальчику ещё школьные задания выполнять. И гнал Ваню:

— Слушай, Птицын, дуй домой и решай-ка свою арифметику, а то мамка твоя и тебе, и мне холку намылит.

— Степаныч, подожди еще маленько, мне только заусенцы наждачкой зачистить — и сразу...

— Хватит, хватит, Птицын, завтра домастеришь! Топай к своей арифметике.

Ваня неохотно откладывал недоделку, тяжело вздыхал и медленно собирался.

— Не арифметику, а алгебру, — ворчал он, накидывая пальтишко.

— Птицын, тебе виднее, чего ты там учишь в своей школе. Ладно, не обижайся, в воскресенье вместе на лёд пойдём!

Степаныч всегда держал слово, и Ваня Птицын, однажды побывав с ним на рыбалке, прикипел к этому занятию навсегда. Ему нравилось всё: и многочасовое сидение на морозе над крохотной лункой, выдолбленной в толстом ледяном панцире реки, и тихое ожидание поклёвки в плавно раскачивающейся на волнах старенькой плоскодонке Степаныча ранним летним утром...

— Птицын, держи ровнее! Мормышку не забудь... Тащи... Идёт, идёт, тащи! — руководил Степаныч, делясь с Ваней своими многочисленными рыбацкими хитростями.

Ваня давно привык, что все в деревне называли его по фамилии: и Степаныч, и учителя в школе, и даже верный друг Генка.

— Птицын, я сегодня на щуку иду. Ты со мной? А то лето проскочит, а на щуку и не сходим, — спрашивал Генка, приделывая новую катушку с импортной леской к своему старенькому спиннингу.

— Ага, только огурцы полью, и помидоры мамка велела пасынковать, — отвечал Ваня, бренча пустыми пока вёдрами.

— Не... Это надолго! Клёва позже не будет, шас идти надо, — аргументировал Генка.

— Успею раньше, чем ты катушку приладишь. Жди, друг, я быстро! — убегая выполнять материнский наказ, на ходу кричал Ваня.

— Ладно, Птицын, жду! — обещал Генка.

Время шло. Ваня Птицын окончил школу, потом ветеринарный техникум в городе. Вернулся в родную деревню, работал по специальности. И по-прежнему в любую свободную минуту страстно отдавался рыбалке. Благо, что для этого были все условия.

Озерцовка — так называлась родная деревня — стояла на реке Кумушка. Хотя и носил этот водоём такое ласково-домашнее тёплое название, нрав у реки был суров. Течение быстрое, да и перекатами была Кумушка богата ближе к устью. Когда-то часть реки считалась судоходной, но со временем обмелела, и пассажирских судов здесь давным-давно не случалось. Но моторки, катера или плоскодонки летом курсировали по Кумушке непрерывно. Река-то из-за обилия рыбы славилась на всю округу, вот и собирались на ней круглогодично рыбаки. Даже из других областей приезжали...

А с западной стороны Озерцовки, практически за околицей, было небольшое, но глубокое озеро. Местные жители называли его Щучьим. И верно, щука здесь водилась...

— Красота какая: лес, река, озеро... Рыбы навалом! Не жизнь — сказка. Чего ещё надо? — говаривали, сидя за удочкой или у вечернего костра, рыбаки разных мастей.

Ваня с этим был полностью согласен. Он знал многих из них. Его знали практически все, кто приезжал в Озерцовку порыбачить.

— Птицын, где сегодня клёв лучше? — спрашивали заезжие.

— За излучиной! Там нынче берш, чоп и плотва хорошо идут на червя.

— А прикорм нужен?

— Не-а! — отвечал Ваня, успевавший с утра до работы сбежать на реку.

Он всегда возвращался с уловом. Мелкие рыбёшки доставались всем деревенским котам и кошкам, а крупная добыча частенько расходилась по соседям.

Но этим утром он был сам не свой. Настроение металось между отметками «эйфория» и «упадничество». Почему — Ваня объяснить не мог. Что-то тревожило, хотя никаких видимых

причин не наблюдалось. И всё же... Впервые он шёл на рыбалку без особой охоты.

«Чёрт, что такое?» — спрашивал он сам себя, но ответа не находил. Чтобы как-то успокоиться, нащупал «точку опоры», решив, что настроение скакнуло из-за Генки. Друг, выучившись в городе на агронома, тоже работал в родной деревне, и они по-прежнему частенько рыбачили вместе. Но сегодня его неожиданно зачем-то дёрнули в район, поэтому на рыбалку Ване пришлось отправляться одному.

«Не зря настроение паршивое», — думал он, возясь с мотором, приспособленным к его старенькой лодке. Мотор, кстати, был самым мощным в Озерцовке по сравнению с другими, а сегодня почему-то барахлил. В итоге завёлся, конечно, только настроение всё равно от этого не улучшилось. Ваня вывел лодку на середину реки и уже планировал направить её в любимое место — в небольшую протоку, где водились окуньки, ерши и даже судак, но заметил, как на скорости к нему движется катер МЧС с двумя спасателями на борту. Такие экипажи в их районе отвечали за порядок на водах.

— Птицын, стой! — донеслись до Вани слова, сказанные в рупор одним из спасателей.

Катер был довольно далеко от Ваниной лодки, но ему стало как-то не по себе. «И что им надо? Вроде ничего противозаконного не делал. Почему так беспокойно на душе? Ой...ё!!! Вот, нарвался!» — мысль о сетях, которые вчера Генка откуда-то притащил к нему в лодку, прямо обожгла.

— Фу-ты ну-ты! Говорил ведь, что не надо, а он: передадим кому-то там... Ну, друг, удружил! А как теперь быть? — Ваня почему-то произнёс это вслух.

— Птицын! — снова позвали с катера.

Ваня, не отдавая себе отчёта, завёл мотор и... рванул по течению наутёк.

— Стой, Птицын! Стой! — надрывался в рупор спасатель.

Но Ваня лишь добавлял обороты, лихорадочно соображая, что же делать с сетью.

И вновь — мысленный «ожог»: «Ох-ма! А ведь я давеча на суводь налетел — не заметил водоворот этот, вот лодку там чуть не перевернул. Если

бы не Степаныч... Разворчался старик, грозил, что сдаст меня спасателям за нарушение правил безопасности на водах. Сдал, что ли?»

— Птицын, стой! — доносилось с катера уже чуть тише. Преследователи приотстали, мотор у спасателей был послабее, чему Ваня в эту минуту был несказанно рад.

Однако радоваться-то, как оказалось, было рано. Произошло непредвиденное. Мотор, издав несколько квакающих звуков, заглох! Лодка резко сбавила ход и теперь двигалась вместе с течением реки. Ваня приуныл. Пока катер МЧС был ещё далеко, в голову лезли самые дурацкие мысли: «Сигану с борта и — вплавь до берега. Успею!» — поглядывал он на их приближающееся судно, одновременно сердясь на Генку, на Степаныча и даже на самого себя. «Интересно, а за сеть штраф или... уголовка? А за рыбалку ту на суводи что полагается? Не зря настроение паршивое с самого утра. Как чувствовал!..»

— Ты что, не слышал? Я же кричал: «Птицын, стой!» — вывел Ваню из нерадостных размышлений охрипший голос спасателя. Катер МЧС уже остановился рядом с его лодкой, и она сильно раскачивалась на волнах, созданных более массивным судном.

— Стою я, стою, — проворчал Ваня.

— Не в духе, что ли, Птицын? На тебя не похоже.

— Похоже, не похоже... Обыск делать будете когда? Сейчас? А Степаныч, между прочим, зря панику навел. Мне теперь с вами? Вы меня задерживаете?

— Задерживаем, конечно, Птицын! Как без этого.

— Ну и ладно. В кутузку так в кутузку. Везите! — Ваня, вскочив на ноги, собрался перебираться из своей лодки в катер МЧС.

— Стой, Птицын! Задержим мы тебя. Но к нам-то на борт не надо. Сиди уж в своей казанке.

— На буксире, значит? Ну и ладно. На берегу-то лодка хоть под присмотром будет. Задерживайте! — Ваня вытянул руки для наручников.

— Ты перепил, что ли? Не оклемался ещё? — удивился спасатель, сидевший за штурвалом катера.

— Или боевиков америкосных нагляделся, — поворачиваясь к напарнику, хохотнул державший рупор.

— Да не пью я, не пью! — закричал Ваня. — Чего душу тянете? Вот он я!

— На, бери! — после короткой паузы, внимательно глядя на Ваню, протянул ему конверт тот, что с рупором.

— Что это, повестка?

— Она самая. Открывай!

Ваня надорвал конверт и вынул атласную открытку. На ней красивым шрифтом золочеными буквами было написано: «Уважаемый Иван Викторович Птицын! Приглашаем Вас на торжественное вручение Почетной грамоты МЧС». Далее значились дата, время и место обозначенной церемонии.

— Это что такое? — удивился Ваня.

— Ну, Птицын, даешь! Мазай ты наш! Не помнишь, что ли? — со смешком спросил сидящий у штурвала катера.

— А что случилось-то?

— Обалдеть! Весной, в паводок, кто тётку Матрёну, её козу, собаку и кошку спасал? Дом у неё затопило, а мы не успевали. Ты рыбачил поблизости, слышал крики и помог. Ну, вспомнил?

Ваня молчал.

— Птицын, чего завис-то? — удивился спасатель с рупором и, повернувшись к штурвалному, скомандовал: — Давай на базу!

— Так... задерживать не будете? — всё ещё не совсем понимая, переспросил Ваня.

— Обязательно будем! После торжества с тебя — магарыч! Там и задержим! До встречи!

Зашумел набирающий обороты мотор, и катер МЧС взял обратный курс.

— Так не пью я, ребята! — крикнул вдогонку спасателям Ваня и помахал на прощание конвертом с приглашением.

Он с минуту постоял в своей лодке, балансируя в такт течению реки и провожая нежданных гостей взглядом, затем, усевшись, выдохнул, ещё раз посмотрел на бланк приглашения и... расхохотался. Немного успокоившись, попытался завести мотор. Получилось. Ваня направил лодку к берегу — какая уж теперь рыбалка... По пути встретил Степаныча, рыбачившего со своей выдавшей виды плоскодонки. Проходя мимо, в знак приветствия приложил руку к козырьку кепки и резко опустил. Степаныч ответил поклоном головы. Ваня отошёл от него на уже почтительное расстояние, как услышал:

— Птицын, стой! — звал Степаныч.

— Ну уж нет! На сегодня хватит! — засмеялся Ваня и, не оборачиваясь, прибавил скорость.

Ольга Владимировна КАЙМАК

родилась в г. Семипалатинске Казахской ССР.

Окончила Всесоюзный институт
текстильной и легкой промышленности.

Журналист.

Член Союза журналистов России.

Лауреат и победитель многих
профессиональных журналистских конкурсов.

Пишет прозу.

Публиковалась в журнале «Север».

